

А.В. Антошин

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: В ПОИСКАХ КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ИДЕИ

***Аннотация.** Статья посвящена судьбе феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны. Статья анализирует положение и морально-психологическое состояние тех, кто эмигрировал из России вследствие революции, после Второй мировой войны. Большое внимание уделено попыткам старых эмигрантов сохранить существовавшие до Второй мировой войны институты Русского зарубежья. Охарактеризована эволюция форм деятельности данных институтов.*

Большое внимание уделено феномену «второй волны» эмиграции из Советского Союза. Автор показывает, что современники выделяли в ее составе две группы лиц: «новых» эмигрантов (бывшие военнопленные Красной армии, «остарбайтеры», коллаборационисты времен Второй мировой войны) и «новейших» эмигрантов («перемещенные», солдаты и офицеры, которые дезертировали из размещенных в Европе частей Красной армии). Показано, что обе группы эмигрантов сыграли свою роль в мифологизации исторической памяти России (прежде всего, связанной с событиями Второй мировой войны). В статье анализируется политическая символика, использовавшаяся эмигрантами «второй волны». Доказано, что происходила эволюция этой символики, того политического лексикона, который преобладал в дискурсе эмигрантов «второй волны». Автор показывает, что большое влияние на эту эволюцию оказало взаимодействие представителей разных волн русской эмиграции.

В статье показано, что серьезное влияние на эмигрантский политический дискурс послевоенной эпохи оказывали различные западные структуры, которые взаимодействовали с русскими эмигрантами. Отмечается их стремление «перестроить» феномен Русского зарубежья в соответствии с установками, преобладавшими в кругах политической и интеллектуальной элиты стран Запада.

Ключевые слова: Русское зарубежье; русская эмиграция; «вторая волна» эмиграции из СССР; «власовцы»; «перемещенные»; «холодная война»; Мюнхенский институт по изучению СССР; меньшевистская эмиграция.

**Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук,
доцент, профессор Уральского федерального университета,
Россия, Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: F-9881-201
Scopus Author ID: 57194726801**

Antoshin A.V. Russia Abroad after the Second World War: In search of a consolidating idea

Abstract. *The article highlights the phenomenon of the Russia Abroad after World War II. The situation, moral and psychological state, the fate of those who emigrated from Russia after the revolution and World War II are analyzed. Much attention is paid to the attempts of the old emigrants to preserve the institutions of the Russian diaspora that existed before World War II. The evolution of these institutions' forms of activity is characterized.*

Much attention is paid to the phenomenon of the Second wave of Soviet emigration. The author writes that contemporaries identified two groups in that society: the so-called new emigrants (former prisoners of the Red Army, «ostarbeiters», collaborators of the Second World War) and the so-called newest emigrants («defectors», soldiers and officers who deserted from the quartered in Europe parts of the Red Army). It is shown that both groups of emigrants played a role in the historical memory of Russia mythologization (primarily associated with World War II).

The author analyzes the political symbols used by the Second wave emigrants, proving that there was an evolution of this symbolism and the political vocabulary that prevailed in the discourse of the Second wave of emigration. The author proves that the interaction of representatives of different waves of Russian emigration had a great influence on this evolution.

The author draws attention to the fact that various Western structures, interacted with Russian emigrants, had a serious impact on the political discourse of the emigrants in the post-war era. Their desire to «reformat» the phenomenon of Russia Abroad in accordance with the attitudes prevailing in the circles of the political and intellectual elite of Western countries is also note by the author.

Keywords: *Russia Abroad; Russian emigration; Second wave of Soviet emigration; Vlasovites; perebezhchiks; Cold War; Munich Institute on Soviet studies; Mensheviks in exile.*

**Antoshin Alexey Valerevich. – Doctor of History, Professor,
Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg.**

Email: alex_antoshin@mail.ru

Web of Science Researcher ID: F-9881-201

Scopus Author ID: 57194726801

Русское зарубежье представляет собой феномен, вызывающий большой интерес не только у исследователей, но и у достаточно широких кругов русского общества. Это связано с тем, что в 1920–1930-е годы русские эмигранты в самых разных странах мира ощущали свою сопричастность к явлению, которое часто сами именовали «Россией № 2». Граждане зарубежной России, обычно негативно относившиеся к перспективе принятия подданства стран пребывания, предпочитали называть себя «изгнанниками», подчеркивая тем самым вынужденность (и, как им представлялось, временный характер) своего пребывания на чужбине. Антибольшевизм во многом выступал

как один из консолидирующих факторов в «русском рассеянии», наряду с ярко выраженным патриотизмом и стремлением сохранить национальную идентичность, отказом от ассимиляции.

Все эти явления уже не раз анализировались в исторической литературе. В Москве существует Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, миссией которого является сохранение исторической памяти о данном феномене. За последние четверть века было проведено множество научных и просветительских мероприятий по данной тематике, некоторые из которых стали традиционными (петербургские «Нансеновские» и «Слепухинские» чтения, московский форум «Люди и судьбы Русского зарубежья» и др.).

Процесс накопления знаний привел к тому, что исследователи стали гораздо глубже подходить к анализу такого явления, как «волны» Русского зарубежья. В частности, значительное внимание стало уделяться «поколенческой тематике», которая применительно к феномену Русского зарубежья во многом была открыта в известной книге В.С. Варшавского. В работах современных исследователей М.А. Васильевой, Ю.В. Матвеевой, М.Н. Мосейкиной и др. анализируется специфика психологических и ценностных установок представителей разных поколений русской эмиграции [Васильева 2008; Матвеева 2016; Мосейкина 2016 и др.].

Вместе с тем при характеристике Русского зарубежья исследователи очень часто останавливаются на эпохе Второй мировой войны. Глобальный военный конфликт нередко воспринимается как ключевой водораздел в истории данного феномена, после которого говорить о Русском зарубежье уже не приходится.

Так ли это? Исчезли ли после Второй мировой войны те ключевые признаки, которые отличали довоенное Русское зарубежье? Данный вопрос, на наш взгляд, является одним из ключевых в исследовании российской эмиграции. Именно судьбе феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны и посвящена данная статья.

Бесспорно, трудно отрицать, что Вторая мировая война стала одной из ключевых вех в истории русской эмиграции. Она кардинально изменила геополитическую ситуацию в Европе, а ее ход и результаты оказали огромное воздействие на ситуацию в таких довоенных центрах Русского зарубежья, как Берлин, Прага, Братислава, Белград, София, Варшава, Рига, Таллинн. Связанные с изменениями линии фронта «великие переселения народов», ставшие одним из знаковых явлений военных лет в Европе, затрагивали и семьи русских эмигрантов [Фариа-и-Кастро – Е.В. Саблину]. В результате разрушались семейные «гнезда», русские эмигранты теряли связи со своими родственниками и друзьями (нередко на годы, но чаще – навсегда).

События Второй мировой войны оказали чрезвычайно важное воздействие и на морально-психологическую атмосферу в своеобразной «столице

русского изгнания» – Париже. Часть русских эмигрантов примкнула к Движению Сопротивления, которое включало в себя людей самых разных взглядов. Уже в Советском Союзе были опубликованы мемуары некоторых репатриантов, посвященные борьбе русских эмигрантов против нацистской оккупации Франции [Сухомлин 1965; Андреев 1974 и др.]. Однако далеко не все участники Движения Сопротивления были приверженцами коммунистической идеологии, о чем свидетельствует, например, содержание дневника Б. Вильде [Вильде 2005]. Консолидирующим фактором выступало неприятие коллаборационизма, символом которого стала деятельность Управления по делам русской эмиграции во Франции во главе с Ю.С. Жеребковым (см.: [Сабенникова 2010] и др.). Так война углубила идейно-политический раскол Русского Парижа, возникший еще в 1930-х годах.

Серьезным (хотя, конечно, далеко не единственным) дезинтегрирующим фактором в истории русской эмиграции невольно оказался и всплеск патриотических настроений, случившийся в эмигрантской среде в годы Второй мировой войны. Стремление помочь оказавшейся в смертельной опасности Родине, гордость за победы русского оружия привели к тому, что часть русских эмигрантов начала активно сотрудничать с дипломатическими представительствами СССР [Е.В. Саблин – А.В. Тырковой-Вильямс 1945]. Безусловно, этот процесс начался еще в 1930-е годы (когда стал формироваться феномен новых «оборонцев»), раскол в эмигрантской среде шел по многим линиям, однако Вторая мировая война существенно усилила данную тенденцию. Принятие некоторыми эмигрантами советского гражданства нередко не сопровождалось возвращением человека на Родину (официальные структуры СССР очень избирательно давали на это разрешение), однако зачастую приводило к исключению таких людей из эмигрантских объединений. Становясь советским гражданином, человек переходил в иную категорию, что нередко вело и к разрыву личных контактов со старыми друзьями и соратниками.

Все указанные выше обстоятельства оказывали и мощное негативное психологическое воздействие на старых эмигрантов. Безусловно, играл роль и тот фактор, что к середине 1940-х годов многие эмигранты «первой» после-революционной волны были уже весьма немолодыми людьми, на долю которых выпали тяжелейшие испытания: Русская революция, Гражданская война, две мировые войны. У многих из них уже не оставалось физических и психологических сил, чтобы воссоздать институты Русского зарубежья, существовавшие до войны [Новое о Буниных 1992, с. 310].

Этому способствовал и «кризис мотивации», характерный для многих эмигрантских общественных деятелей. Возникшие в 1920-е годы институты Русского зарубежья создавались для того, чтобы обеспечить существование альтернативной, зарубежной, России, подготовив ее к новому этапу борьбы с большевизмом за возвращение на Родину. Однако Советская власть оказалась

гораздо более жизнеспособным феноменом, чем думали эмигранты. В результате уже в 1930-е годы наступает понимание того, что рассчитывать на близкое падение большевизма не приходится. Исход Второй мировой войны неизмеримо поднял международный авторитет Советского Союза, сделав позиции советского руководства еще более прочными. В этих условиях часть эмигрантов стала ощущать бессмысленность продолжения существования эмигрантских структур.

Тем не менее многие институты «русского рассеяния» после Второй мировой войны уцелели. Как показывают исторические источники и научные работы [Ершов 2001, с. 111], в Париже и после Второй мировой войны продолжили свое существование военные эмигрантские организации, казачьи союзы, объединения выпускников учебных заведений и т.п. Безусловно, постепенно их деятельность затухала, менялись ее формы (основное внимание все больше уделялось мероприятиям мемориального плана). Однако эти институты Русского зарубежья продолжали выполнять свою консолидирующую функцию, одновременно сохраняя историческую память о России и ее прошлом.

Вместе с тем эмигранты «первой» послереволюционной волны не могли игнорировать факт появления в результате Второй мировой войны масс недавних выходцев из Советского Союза. Это были военнопленные Красной армии, «остарбайтеры», коллаборационисты и т.д. Они стали «перемещенными лицами», часть из них сформировала новую, вторую эмиграцию. Кроме того, после Второй мировой войны, особенно на рубеже 1940–1950-х годов развивается феномен, который в эмигрантской прессе получил название «новейшая» эмиграция: «перебежчики», солдаты и офицеры, дезертировавшие из расквартированных в Европе частей Советской армии и т.д. Часто они воспринимаются как элемент эмиграции «второй» волны, хотя в реальности отношения между этими двумя группами сразу же стали весьма напряженными. «Новой» эмиграции не нравилось, что «новейшим» (которых были единицы по сравнению с массами «перемещенных лиц») западная пресса уделяла большое внимание [М. Дутиков – Б.И. Николаевскому 1948]. В свою очередь среди «новейших» эмигрантов преобладали те, кто в годы войны воевал в Красной армии против нацизма, поэтому коллаборационистское прошлое некоторых эмигрантов «второй» волны было для них неприемлемо [К. выборам 1953, с. 25].

Нельзя не обратить внимание на те структуры, которые были созданы «новыми» и «новейшими» эмигрантами, на их взаимоотношения с традиционными институтами Русского зарубежья. У «новой» эмиграции оказались свои институты, консолидировавшие ее: речь идет о феномене власовских организаций. Спецификой, бесспорно, являлся подчеркнуто политический характер этих объединений, акцент на антикоммунизм как стержневую идеологию

скую установку. Безусловно, для структур, созданных бывшими бойцами РОА, была характерна мифологизация исторической памяти о власовской армии и ее командующем. Именно бывшие власовцы внесли немалый вклад в создание ряда мифов о Второй мировой войне. Прежде всего следует отметить феномен Освободительного движения, который, по заявлениям бывших офицеров РОА, объединял значительную часть советского общества [Троицкий 2006]. Явно преувеличивались характерные для военных лет настроения политического протеста. При этом «на заднем плане» оставался вынужденный характер перехода многих солдат и офицеров на сторону Власова, связанный с условиями немецкого плена.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В первые послевоенные годы была предпринята попытка консолидации русской эмиграции вокруг фигуры генерала Власова как нового символа антибольшевистского сопротивления, которая и сопровождалась указанной выше мифологизацией событий Второй мировой войны. Однако эта попытка, предпринятая власовской частью «второй» эмиграции, все-таки не удалась: коллаборационизм вызывал отторжение у значительной части эмигрантской общественности (в частности, у политиков социалистического и леволиберального толка).

В определенной степени мифологизация была присуща и «новейшим» эмигрантам. Они также предприняли попытку конструирования исторической памяти, формирования картины прошлого, которая бы логично встраивалась в их идеологические установки. Значительная доля среди «новейших» бывших солдат и офицеров Красной армии обусловила попытки формирования в их среде представлений об особой роли офицерского корпуса в оппозиционном движении России. Подчеркивая принадлежность к русской военной элите лидеров-декабристов, «новейшая» эмиграция стремилась доказать, что их преемником выступала репрессированная И.В. Сталиным довоенная верхушка Красной армии во главе с М.Н. Тухачевским [Первая конференция 1951, с. 182]. Сами «новейшие» эмигранты соответственно выступали как продолжатели дела М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича и других расстрелянных военачальников.

Весьма показательно то обстоятельство, что в политическом лексиконе «второй эмиграции» первоначально весьма активно была представлена идеологическая символика, связанная с традициями революционной и оппозиционной интеллигенции дореволюционной России. Настойчивое использование «второй волной» таких конструкторов, как «Освободительное движение», «освобождение народов России» и т.д. было не случайно: «власовцы» и их союзники как бы подчеркивали, что они ассоциировали себя с Россией не Николая II и Столыпина, а Герцена и лидеров Кронштадтского восстания [Кронштадтская платформа 1997]. В этой стилистике были выдержаны и названия печатных изданий «второй эмиграции»: «Голос народа», «Борьба» и т.д.

Безусловно, здесь играло свою роль советское воспитание лидеров новой эмиграции. Однако следует учесть еще одно обстоятельство. Первыми эмигрантскими политиками, с которыми зачастую сталкивались бывшие советские люди в лагерях для «перемещенных лиц» были представители леволиберальной и социалистической интеллигенции. Такие известные старые меньшевики, как Б.И. Николаевский и Д.Ю. Далин (позднее ставшие одними из основоположников американской советологии), весьма активно выходили на контакт с «новыми» и «новейшими» эмигрантами, оказывая им разнообразную помощь. В лагерях для «перемещенных лиц» распространялся меньшевистский «Социалистический вестник», зачастую являвшийся первым русскоязычным печатным изданием, которое доводилось прочитать бывшим советским людям [Базанов 2008, с. 282–285]. Упомянутые выше Б.И. Николаевский и Д.Ю. Далин пытались оказывать влияние и на политическую палитру «второй» эмиграции, находясь у истоков создания некоторых издательских проектов «новых» и «новейших» эмигрантов. Естественно, что, осуществляя всю эту деятельность, леволиберальная и социалистическая эмигрантская интеллигенция надеялась на то, что в политическом сознании «новых» и «новейших» эмигрантов сформируется картина мира, отвечающая ее идеологическим установкам. Впрочем, характеризуя причины первоначальной популярности таких конструкторов, как «Освободительное движение», в политическом лексиконе «второй волны», нельзя не обратить внимание и на то, что свою роль играл фактор наличия западных (прежде всего, американских) консультантов у многих эмигрантских проектов данной эпохи.

Однако постепенно ситуация менялась. В 1940–1950-е годы стали возникать «площадки», где происходила встреча представителей разных эмигрантских «волн» и «поколений» (особое значение здесь принадлежит, бесспорно, нью-йоркскому «Новому журналу»). Во многом в результате общения с теми представителями старой эмиграции, которые находились в идеологическом «мейнстриме» довоенного Русского зарубежья (меньшевики и левые либералы к нему, безусловно, не принадлежали) происходила эволюция риторики «второй волны». Весьма характерен феномен тех институтов, которые стали результатом объединения усилий представителей «первой» и «второй» волн эмиграции. Одни из них делали ставку на использование патриотических символов, связанных со славными традициями Русской армии, которые во второй половине 1930-х годов были как бы реабилитированы в СССР и являлись приемлемыми для бывших советских офицеров. Среди них – Андреевский флаг, ставший символом Союза Андреевского флага в конце 1940-х годов, личность А.В. Суворова (она должна была объединить членов сформированного в начальный период «холодной войны» Суворовского союза). Эти знаковые для патриотических сил понятия и имена должны были стать теми символами, которые объединяли всю эмиграцию. Конечно, ука-

занные выше структуры не смогли стать серьезными политическими объединениями, во многом они оставались маргинальными эмигрантскими образованиями. Речь в данном случае шла о поиске консолидирующих идей, способных сплотить как «старых», так и «новых» и «новейших» эмигрантов.

В этом контексте нельзя не обратить внимание и на те попытки, которые предпринял в этом направлении знаменитый НТС. Характерен уже сам факт переименования этой организации. После Второй мировой войны эта организация стала называться не Национально-трудовой союз, а Народно-трудовой союз. Во многом это было связано с тем, что лидеры данной организации пытались соединить имперские и революционные идеи. Еще в союзной песне 1930-х годов пелось: «В былом источник вдохновенья / В деяньях Сечи и Петра...» [Рар, Оболенский 2003, с. 73].

Идеологические поиски в этом направлении продолжились и после Второй мировой войны. Бесспорно, они были еще усилены благодаря тому обстоятельству, что руководство Союза было пополнено эмигрантами «второй» волны, которые постепенно стали играть в нем все большую роль. Во многом НТС сам становился такой попыткой синтеза старого и нового, «первой» и «второй» эмиграции, имперской и постреволюционной России.

Насколько успешно проходил этот синтез? Бесспорно, он сталкивался с немалыми препятствиями, связанными, в том числе, со стереотипами восприятия друг друга, присущими «первой» и «второй» волнам. Не случайно и то обстоятельство, что 1950-е годы вошли в историю НТС как череда расколов, затронувших практически все региональные организации Союза. Однако, на наш взгляд, важнее другое. При всей причудливости синтеза, который пытались осуществить лидеры НТС, он учитывал реальную сложность исторического прошлого России, не игнорировал разные аспекты, присущие русскому национальному самосознанию.

Во многом в эмиграции уже во второй половине 1940-х годов шли поиски консолидирующей национальной идеологии, способной сплотить и «красных» и «белых». Кстати, подобные процессы происходят и в современной России. Именно поэтому думается, что та эпоха актуальна и сейчас. Часть эмигрантов, собиравшаяся как-то позиционировать себя в новом мире, возникшем после окончания Второй мировой войны, неизбежно вынуждена была актуализировать и феномен Русского зарубежья. В новых, изменившихся, обстоятельствах приходилось искать и новые основы для консолидации.

Играла свою роль и атмосфера «холодной войны». Запад, безусловно, стремился использовать русских эмигрантов в этом процессе. Для этого важно было, чтобы эмигранты представляли собой не одиночек, разбросанных по миру, а некую альтернативную Россию. Все это вместе вновь актуализировало феномен «России № 2».

Насколько удачны оказались эти идеологические поиски? В каком направлении они шли? Серьезная зависимость многих эмигрантских структур от финансовой помощи западных держав вела к тому, что весьма сильными оказывались тенденции не просто сохранения, но «переформатирования» феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны. В частности, предпринимались попытки заменить это понятие термином «эмигранты из СССР», не нашедшим, впрочем, большого количества сторонников, пока за пределами Советского Союза не появилась знаменитая «третья волна» эмиграции. Концепт «Россия» продолжал быть исключительно важным и для политически активной части эмигрантов «второй» волны. Вместе с тем не случайно, что одним из символов данной волны стало такое неоднозначное учреждение, как Мюнхенский институт по изучению СССР, представлявший собой важный центр европейской советологии. Его наследие давно вызывает ожесточенные дискуссии [Константинов 2002, с. 133–144; Козин 2016]. Однако, на наш взгляд, сторонники разных интерпретаций этого феномена солидарны в главном: те силы, которые явились инициаторами и спонсорами данного проекта, стремились к тому, чтобы поставить под жесткий контроль все эмигрантские политические инициативы.

Удалось ли Западу в полной мере достичь поставленных целей? На наш взгляд, лишь частично. Прежде всего, нередко в условиях «холодной войны» Русское зарубежье действительно представало как инструмент в противостоянии двух сверхдержав. Однако ни в коем случае нельзя игнорировать тот факт, что многие эмигранты «второй» волны оказались носителями ценностей Русского зарубежья довоенной поры, приложившими немало усилий для того, чтобы сохранить его как идейно-политический феномен. Кто-то из «новых» эмигрантов (например, известный историк Н.И. Ульянов) был носителем этих ценностей еще в Советском Союзе, сформировавшись в кругах старой интеллигенции, связанной с традициями дореволюционной России. Другие эмигранты восприняли эти ценности уже за рубежом, в результате общения со старой эмиграцией, знакомства с литературой Русского зарубежья. Зачастую постепенно различия между «волнами» стирались. Часть эмигрантов «второй» волны смогла продолжить традиции Русского зарубежья, транслируя его ценности в своем литературном и художественном творчестве. После крушения коммунистического режима в СССР именно эта часть эмигрантов приложила немало усилий для того, чтобы выйти на контакт с теми, кто начал заниматься историей Русского зарубежья, содействовать сохранению памяти о данном феномене в современной России. Во многом благодаря их стараниям Русское зарубежье стало явлением, которое заняло важное место в исторической памяти России.

Библиография

- Андреев В.Л. История одного путешествия. М.: Мысль, 1974. 374 с.
- Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.
- Васильева М.А. «Незамеченность» как поэтика и опыт (о полемике вокруг «Незамеченного поколения» В.С. Варшавского) // Нансеновские чтения. 2007. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. С. 424–437.
- Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М.: Русский путь, 2005. 159 с.
- Дутиков М. – Николаевскому Б.И. 18.03.1948 // Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace (HIA). Boris Nicolaevsky collection. Series 248. Box 478.
- Ершов В.Ф. Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 110–120.
- К выборам в состав Центральной ассоциации послевоенных эмигрантов // Колокол. Гамбург, 1953. № 1–2. С. 25.
- Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: СмолГУ, 2016. 272 с.
- Константинов Д., прот. Мюнхенский институт. Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. 2002. № 4. С. 133–144.
- Кронштадтская платформа // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М.: ИАИ РГГУ, 1997. С. 333–337.
- Матвеева Ю.В. Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г.А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Известия Уральского федерального университета. 2016. Т. 18. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (157). С. 87–102.
- Мосейкина М.Н. Судьба поколений литературной эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 55–67.
- Новое о Бунных // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 8. С. 298–312.
- Первая конференция послевоенных политических беженцев // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1951. № 9–10. С. 181–182.
- Рар Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). Очерк истории Народно-трудового союза. М.: Посев, 2003. 192 с.
- Сабенникова И.В. Русская эмиграция во Франции перед лицом Второй мировой войны // Нансеновские чтения. 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 62–74.
- Саблин Е.В. – Тырковой-Вильямс А.В. Август 1945 г. // Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285 / 1324.
- Сухомлин В.В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 111–156.
- Троицкий Н.А. Ты, мое столетие... М.: ИПВА, 2006. 460 с.
- Фариа-и-Кастро И.К., де – Саблину Е.В. // LRA. MS 1285 / 830.

References

- Andreev V.L. Istoriya odnogo puteshestviya [A history of one trip] Moscow: My'sl', 1974. 374 p. (In Russ.)
- Bazanov P.N. Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizacij russkoj e'migracii (1917–1988) [Publishing activity of political organizations of Russian emigration (1917–1988)]. Saint Petersburg: SPbGUKI, 2008. 468 p. (In Russ.)

Dutikov M. – Nikolaevskomu B.I. 18.03.1948 [M. Dutikov to B. Nicolaevsky. 18.03.1948]. Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace (HIA). Boris Nicolaevsky collection. Series 248. Box 478. (In Russ.)

Ershov V.F. E'volyuciya voennoj diaspory' v 1920–1970-e gg. [Evolution of military diaspora in 1920s–1970s]. Nacional'ny'e diaspory' v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. Moscow: IRI RAN, 2001. P. 110–120. (In Russ.)

Faria-i-Kastro, I.K. de – Sablinu E.V. [I. De Faria-i-Kastro to E. Sablin]. LRA. MS 1285 / 830. (In Russ.)

K vy'boram v sostav Central'noj associacii poslevoenny'x e'migrantov [Elections to the Central Association of post-war emigres]. Kolokol. Gamburg, 1953. N 1–2. P. 25. (In Russ.)

Kodin E.V. Myunxenskij institut po izucheniyu SSSR, 1950–1972 gg.: evropejskij centr sovetologii? [Munich Institute on Soviet Studies: European Soviet Studies center?]. Smolensk: SmoGU, 2016. 272 p. (In Russ.)

Konstantinov D., protoierej. Myunxenskij institut. Iz istorii vtoroj rossijskoj politicheskoy e'migracii [Munich Institution. The history of the Second Russian political emigration]. Tribuna russkoj my'sli. 2002. N 4. P. 133–144. (In Russ.)

Kronshtadtskaya platforma [Kronshtadt platform]. V poiskax istiny'. Puti i sud'by' vtoroj e'migracii. Moscow: IAI RGGU, 1997. P. 333–337. (In Russ.)

Matveeva Yu.V. Pokolenie, proshedshee «odvukon'»: literaturnoe nasledie G.A. Andreeva (Xomyakova) v kontekste tvorcheskix sudeb «molody'x» pisatelej pervoy volny' russkoj e'migracii [Generation which passed *Odvukon*: literary heritage of Andreev (Khomyakov) in context of the fates of the «young» writers of the first wave of Russian emigres]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2016. Seriya 2. Gumanitarny'e nauki. Vol. 18. N 4 (157). P. 87–102. (In Russ.)

Mosejkina M.N. Sud'ba pokolenij literaturnoj e'migracii v kontekste rossijsko-latinoamerikanskogo dialoga kul'tur [The fate of generations of the literary emigres in the context of Russian-Latin America cultural conversation] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2016. Ser. 2. Gumanitarny'e nauki. Vol. 18. N 4 (157). P. 55–67. (In Russ.)

Novoe o Buniny'x [New about Bunin]. Minuvshee. Istoricheskij al'manax. Moscow, 1992. Iss. 8. P. 298–312. (In Russ.)

Pervaya konferenciya poslevoenny'x politicheskix bezhencev [The first conference of the post-War political refugees]. Socialisticheskij vestnik. New York, 1951. N 9–10. P. 181–182. (In Russ.)

Rar L., Obolenskij V. Rannie gody' (1924–1948). Ocherk istorii Narodno-trudovogo soyuza. [The first conference of the post-War political refugees]. Moscow: Posev, 2003. 192 p. (In Russ.)

Sabennikova I.V. Russkaya e'migraciya vo Francii pered liczom Vtoroj mirovoj vojny' [Russian emigres in France during the Second World War]. Nansenovskie chteniya. 2009. Saint Petersburg: ROO IKCz «Russkaya e'migraciya», 2010. P. 62–74. (In Russ.)

Sablin E.V. – Ty'rkovoj-Vil'yams A.V. Avgust 1945 g. [E. Sablin to A. Tyrkova-Williams. August 1945]. Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285 / 1324. (In Russ.)

Suxomlin V.V. Gitlerovcy v Parizhe [Hitler in Paris]. Novy'j mir. 1965. N 11. C. 111–156. (In Russ.)

Troickij N.A. Ty', moe stoletie... [You, my century...] Moscow: IPVA, 2006. 460 p. (In Russ.)

Vasil'eva M.A. «Nezamechennost'» kak poe'tika i opy't (o polemike vokrug «Nezamechennogo pokoleniya» V.S. Varshavskogo) [«Unnoticed» as a politics and experience (on polemics about «Unnoticed generation» by Vladimir Varshavsky)]. Nansenovskie chteniya. 2007. Saint Petersburg: ROO IKCz «Russkaya e'migraciya», 2008. P. 424–437. (In Russ.)

Vil'de B. Dnevnik i pis'ma iz tyur'my'. 1941–1942. [A diary and letters from the prison.] Moscow: Russkij put', 2005. 159 p. (In Russ.)